

В тот момент Линь Шу был вне себя от гнева. Его главный кризис уже миновал, и оставалось лишь решить вопрос с долгом Цзюй Минфэну. Хотя с учебой было немного напряженно, благодаря подработке проблема была решаема.

Дядя был готов перевести ему деньги, пусть и небольшую сумму, что, конечно, не решало всех проблем, но всё же согревало сердце Линь Шу. Это показывало, что в мире всё ещё есть люди, которые о нем заботятся. В эти холодные, как зима, дни такая поддержка была особенно ценна.

Однако поступок его тётки превратил это короткое утешение в полное неудобство и раздражение. Линь Шу чувствовал себя так, будто съел кусок безвкусного и, возможно, уже испорченного мяса, которое хотелось выплюнуть, чтобы больше не мучиться.

Но даже в такой ситуации Линь Шу не стал показывать своего расположения и не дал тётке спуска. Он взял деньги, но настоял на том, чтобы тётя Чжэн Лифэн написала расписку: «20XX года X месяца X дня получила обратно 5 000 юаней, переведённых Линь Цзиньвэнем Линь Шу». Только после этого он передал ей деньги.

Чжэн Лифэн сразу же изменилась в лице:

— Что, хочешь взять эту бумажку и пойти жаловаться дяде?

Линь Шу с насмешкой ответил:

— Вы слишком много думаете. Зачем мне бумажка для жалобы? Если я сейчас позвоню дяде, вы уверены, что он не будет ждать вас у двери?

Чжэн Лифэн резко спросила:

— Тогда зачем тебе эта расписка?!

— На случай, если вы снова придёте требовать деньги. Перевод дяди можно проверить в банке, и если вы забрали деньги, то должны оставить подтверждение. Иначе в следующий раз вы скажете, что я взял деньги дяди, или потребуете ещё 5 000. Я же не хочу оказаться в дураках.

— Только по этой причине?

Линь Шу холодно улыбнулся:

— А по какой ещё? Как вы думаете, что я могу сделать с этой бумажкой?

Чжэн Лифэн с натянутой улыбкой ответила:

— Ты слишком подозрительный. Я уже забрала деньги, зачем мне снова их требовать? Ты думаешь, я такая?

Хотя она не сказала вслух, но подумала: «Даже если я потребую, у Линь Шу сейчас нет ни гроша... Разве он сможет отдать?»

Но Линь Шу стоял на своём:

— Я не знаю, какая вы. Но то, что вы сделали сегодня, уже удивило меня. Вполне возможно, что вы удивите меня ещё чем-то.

Затем он добавил:

— В общем, сегодня я отдам деньги только после того, как вы напишете расписку и подпишете её. Или, как вариант, я могу пойти с вами и лично передать деньги дяде... Как вам?

Линь Шу был уверен, что Линь Цзиньвэнь не знает о визите Чжэн Лифэн, и она не хотела, чтобы он узнал. Поэтому он говорил с полной уверенностью.

Одна сторона настаивала, другая подумала и не нашла вреда в написании расписки. В итоге Чжэн Лифэн всё же написала её.

Четыре года спустя Чжэн Лифэн и её невестка попали в беду из-за участия в финансовой пирамиде и оказались за решёткой. К тому времени программное обеспечение и игры компании Линь Шу уже стали хитами, и он прочно обосновался в Биньхае. Линь Цзиньвэнь, поддавшись уговорам Чжэн Лифэн, попросил Линь Шу помочь. Однако Линь Шу ответил:

— Дядя, если бы это было ваше дело или что-то с моим двоюродным братом, я бы сам предложил помочь. Но в случае с тётей, простите, я не могу вмешаться.

Линь Цзиньвэнь был озадачен и стал расспрашивать. Тогда Линь Шу показал ему ту самую расписку и рассказал всю историю.

Как говорится, даже доброго человека можно обмануть, если знать, как и когда это сделать. Линь Цзиньвэнь, хоть и не был образован, был честным человеком. Увидев расписку и узнав о подлых поступках жены, он больше не мог просить Линь Шу о помощи.

Так Линь Шу отомстил по-своему.

Но вернёмся к тому моменту. В памяти Линь Шу всё это ещё не произошло, и Чжэн Лифэн для него ничего не значила. В конце концов, это была обычная женщина с узким кругозором, низким интеллектом, жадным характером и отсутствием талантов, которая вряд ли могла добиться чего-то значительного в жизни.

Если бы у неё была хоть капля дальновидности, она бы помнила поговорку: «Не обижай юношу в бедности».

Однако сейчас, войдя в дом с улыбкой, она напомнила Линь Шу о многих вещах. Например, о том, что эта женщина ещё при жизни Лян Юэхуа была неприятной личностью. Она часто выступала посредником для Линь Цзиньхуа, скрывая от Лян Юэхуа его измены и даже общаясь с его любовницами. При этом она притворялась доброй перед Лян Юэхуа, навязывая ей неприятные и унижительные идеи.

Линь Шу сам слышал её слова, но о её действиях узнал позже, когда слышал ссоры между мачехой и Чжэн Лифэн. Всё это дало ему новое понимание человеческой лживости и двуличия.

Сейчас, войдя в дом, она сказала:

— О, вы обедаете? Кажется, Сяошу похудел?

Лян Юэхуа, мягкая по характеру, улыбнулась:

— На самом деле он хорошо ест, просто не набирает вес.

Затем она повернулась к Линь Шу:

— Сяошу, почему не поздоровался?

Линь Шу слегка замешкался, затем с полузакрытыми глазами и лёгкой улыбкой произнёс:

— Тётя.

Хотя Линь Шу ненавидел Чжэн Лифэн, он всё же вежливо назвал её «тётей». В конце концов, раз Лян Юэхуа попросила, он не мог поставить мать в неловкое положение и должен был сохранить лицо.

Нельзя было, чтобы люди подумали, что он плохо воспитан.

Для такой матери, как Лян Юэхуа, то, что Линь Шу ведёт себя достойно и благородно, было лучшей похвалой и наградой.

Услышав, как Линь Шу поздоровался, Лян Юэхуа удовлетворённо улыбнулась. Чжэн Лифэн сразу же начала хвалить:

— Сяошу такой воспитанный, не то что его брат. Тот даже не здоровается, когда приходит, а потом сразу убегает в свою комнату. Совсем избаловали его.

Лян Юэхуа, услышав её жалобы, не стала поддерживать, а мягко сказала:

— Хуэйцзы просто немного застенчивый, но он добрый. Не будь с ним слишком строга.

Линь Шу, откусив кусочек хрустящих свиных рёбрышек в кисло-сладком соусе, подумал: «Строгая? Она готова баловать своего сына до небес, где уж ей его воспитывать?»

Но то, что Линь Хуэй добрый, было правдой. Он пошёл в отца, а не в мать. Когда с отцом Линь Шу случилась беда, Линь Хуэй звонил ему несколько раз, чтобы поддержать. Однако то, что он плохо воспитан, тоже было правдой. Не то чтобы у Линь Хуэй были плохие намерения, просто он не понимал человеческих отношений, и в будущем это ему дорого обошлось. Линь Шу всегда считал, что его двоюродный брат был просто испорчен тёткой.

Однако Чжэн Лифэн, очевидно, этого не понимала, поэтому, услышав слова Лян Юэхуа, она с гордостью улыбнулась:

— Ну, это его единственное достоинство.

После этого Лян Юэхуа предложила Чжэн Лифэн присоединиться к трапезе, но та сразу отказалась:

— Нет, нет! Я уже поела перед выходом.

Лян Юэхуа всё же вежливо достала тарелку и палочки:

— Тогда попробуйте ещё немного. Сегодня у Цзиньхуа дела, он не вернётся, а еды у нас много, всё равно не съедим.

Чжэн Лифэн на секунду задумалась, затем улыбнулась:

— Ну, хорошо, попробую немного.

Лян Юэхуа, несмотря на свою мягкость и утончённость, была прекрасной хозяйкой. Линь Шу с

детства привык к её блюдам, и после многих лет всё остальное казалось ему безвкусным.

Он не мог понять, что не устраивало отца в такой матери — умной, трудолюбивой, умеющей и готовить, и поддерживать дом. Почему он не ценил её?

<http://bllate.org/book/16614/1519515>